

A scenic autumn landscape featuring a river flowing through a valley. The trees are in full autumn foliage, with vibrant oranges, yellows, and reds. In the background, rolling hills and mountains are visible under a clear sky. The overall atmosphere is peaceful and picturesque.

Марат Аваз-Нурзед

**Реки, давшие имена
литературным героям**

Россия: Онега – Евгений Онегин;
Печора – Григорий Печорин.

Уделстан: Каштара –

**Адам
Каштарин**

Марат Аваз-Нурзеф Адам Каштарин

*<https://litres.ru/74030458>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Произведение создавалось в 2003 году. Опубликовано по системе print-on-demand издательства "Другое решение" от "Omniscryptum Publishing Group" (Дюссельдорф, ФРГ). Дорого!

Пожалуй, единственная из моих книг, которая спокойно может обойтись без единой картинки.

Потому и захотелось её представить не в формате pdf, единственно приемлемом для моих ХИП [хорошо иллюстрированных произведений (проза/поэзия)], а в docx, предпочитаемой издательской системой, а также читателями, у которых на руках смартфоны (как у всех, даже пожилых торговков на рынках Ташкента), а ноутбука или компьютера на столах - может и не быть.

Река Онега , и у человечества есть достояние - роман в стихах "Евгений Онегин" от Александра Пушкина.

Река Печора, и Михаил Лермонтов преподнёс не меньшую драгоценность - роман в прозе "Герой нашего времени" (Григорий Печорин).

Река Каштара, и вот вам, дорогой читатель, повесть в стихах "Адам Каштарин".

Мальчик, подросток, юноша. Вторая половина XX века. С проекциями в текущие времена.

Содержание

Психотронный диалог (вместо предисловия)	6
Пролог	8
Часть 1	10
1	10
2	11
3	12
4	13
5	14
6	15
7	16
8	17
9	18
10	19
11	20
12	21
13	22
14	23
15	24
16	25
17	26
Часть 2	27
1	27
2	28

3	29
4	30
5	31
6	32
7	33
8	34
9	35
10	36
11	37
12	38
13	39
14	40
15	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марат Аваз-Нурзеф Адам Каштарин

Психотронный диалог (вместо предисловия)

– Ознакомьтесь с азами теории.

– *Ознакомился.*

– Почитайте сочинителей, к которым лежит душа.

– *Почитал.*

– И к кому она лежит?

– *Больше всего к Вам.*

– Тогда прошу ко мне всерьез...

– *И надолго. Совершенно Ваш.*

– Следует проникнуться конструкцией строфы, которую называют онегинской.

– *Уже! Проникнулся!*

– Хороша, не правда ли?

– *Великолепна!*

– А Вам подходит?

– *Нет.*

– Не хотите, чтобы и встречный, и поперечный тыкал в Вас пальцем: «Эпигон!»?

– Да. Но не только. И объективно: великовата она, Ваша, онегинская.

– Придумайте свою – покороче и другого строения.

– Придумал.

– Ну что ж... Осталось всего-то ничего: написать!

– Да уж...

– Роман в стихах!

– *Считать извольте львиным вашим рыком, что собеседник Ваш то ж шит не львом. Но нынче знатоки с улыбкою твердят: «В стихах романов давненько не творят».*

– К чему тогда ведете разговор? И не тщета ль задуманный сыр-бор?

– *Быть может, повесть в рифмах. Иль рассказ. Или иной, но стихотворный сказ...*

– Ни пуха ни пера!

– К черту!

Пролог

Для вас, читатель, труд мой скромный.
Скажу вам сразу: слог мой прост.
И в том залог надежный дружбы
меж нами: стих мой незаёмный
вихлять не будет вкривь и вкось, –
не мыслю в *кренделях* я нужды.
А под *укрон*: «Национальность
героя вашего, дружок?», –
такой в за жарке *артишок*:
«Я не ломлюсь в оригинальность...
Что русский, иудей, татарин...
Не всё ль равно? – Адам! Каштарин...»

Адам Каштарин – мой приятель.
Я холост, он давно женат,
хоть и моложе на два года.
Мне двадцать пять, я строф ваятель –
тем занят в основном мой *штат*.
А он – искал на бабе брода.
Нашел ли? – то в деталях ниже.
Но в общем виде можно здесь:
в исканьях тех, знать, что-то есть,
коль на Чукотке и в Париже,

Москве, Нью-Йорке, Праге, Лиме
наш брат живет и дышит ими...

Да что Париж! – Француз, вестимо,
в том деле издавна мастак:
он даже бреется не утром,
а в ночь, что, значит, для любимой.
И *постсовок* – тож не простак,
тем паче в паре с Голливудом.
Да и *туземный* телевижен
в борьбе за половой прогресс
(салют, раскрепощенный секс!)
столь разухабисто подвижен,
что тайн ни-ни и в глухомани,
ну, даже для малютки Мани...

Часть 1

1

Ребенок каждый уникален,
достоин ласки, добрых слов
(хотя б за ангелов в глазёнках),
быть может, даже гениален,
пока младенческий покров
не сменится вульгарной пленкой.
Но знает Клио то явленье:
в простой что ни на есть семье
растет дитя – не буриме,
а нормам заданным в гоненье.
От мира и себя в секрете
такие не взрослеют дети.

2

Адам – я истинно вещаю, –
и есть феномен сей точь-в-точь.
То ведомо лишь мне – и только...
Ни сном ни духом – жаль! – не знаю,
дана ль Адаму воля смочь
раскрыть свой гений с чувством, толком...
Иль мерзкая рутина быта
небес поглотит все дары...
И будет коротать он дни
в тени разбитого корыта...
А данная ему роль свыше
найдет приют под хваткой *крышей*...

3

Ярлык *безоблачная младость*
фальшив, надуман и смешон.
Адаму годиков в четыре
сны нагоняли страх и тягость:
опасность, темень, волки, – он
был жертвою в том жутком мире.
Сон оборваться мог внезапно,
а явь была того страшней:
«Ой, к маме, к мамочке, скорей!» –
и он просился к ней невнятно.
Не нужно здесь речей потока,
мать и без слов поймет ребенка.

4

В лет пять он папу про охоту
рассказы повторять просил.
И всякий раз внимал в восторге:
как ждал родитель антилопу,
как месяц из-за туч брезжил,
как царь-олень ветвисторогий
шел осторожно к водопою,
как в ожиданье не заснуть,
как *дичь* до залпа не вспугнуть
и как в степи шакалы воют...
Малец в любви к отцу купался,
тот чуял, нет ли, – улыбался...

5

Был брак родителей неравный –
межа змеит в менталитет:
жена – дитя берез и сосен,
намного младше (факт банальный),
пенаты мужа – знойна степь, –
в одном дому весна и осень,
да в графах *нац* – такая ж разность.
Ну, словом, чашенька полна.
Спасибо, вера хоть одна.
Не то б лишь развестись осталось...
Нет, не для деток соль сей речи...
Им разве до противоречий!..

6

Беременность, на сносях, роды:
всего раз семь – и только дочь,
вдруг обрывался век которой,
пройдя не больше полугода.
Не диво: женщине невмочь,
безмерна скорбь, бездонно горе...
Сполна хлебнула доли горькой,
к тому же нрав у ней крутой:
«По струночке, сын дорогой!» –
Шлепка, тычка, а то и порки...
Наш малышок уединялся,
себе в несчастьях изливался...

7

Мальчишкам старшим подражая,
он пробежался по трубе.

Два раза, в третий – оступился:

внизу хоть речка не большая,

но хватит утонуть вполне

тому, кто плавать не учился.

С трубою той же бедолага

обняться, падая, успел:

сам вряд ли б вылезти сумел,

да выручка – всегда во благо.

Не то бы не слагать мне песен,

не то бы был я безутешен...

8

Такой спустя три года случай
(и *мокрый* тож, скажу я вам):
стояла мельница под горкой,
по желобам, стремглав, по круче,
неслась водица к жерновам.
Адам уж плавал... Много ль толка?! –
Средь лопастей то – не подмога!..
Канав и промежутков – шесть...
Себя над ними лихо несть...
Разбег, прыжок, полет – и снова...
Двуногого экстрима жажда...
Известно: быть концу однажды...

9

Однако, обошлось всё, к счастью:
Адам вцепиться в кол успел,
себя из водной выдрал ложи.
Одно лишь плохо: нет ненастья,
штаны промокшие пострел
на дождь никак свалить не может...
«Нельзя так ошибаться в риске,
чтоб не пропасть и чтоб быть пан», –
девятилетний клод-чак-чан ¹
внес пункт в своем уроков списке.
Всё в куче: умный, шаловливый,
проворный, смелый и... трусливый.

¹ *клюд-чак-чан*: Жан-Клод ван Дам, Чак Норис, Джекки Чан, – актеры голливудских боевиков.

Добавим, так сказать, до кучи.
При доме, где Адам растет
надел земли с огромным садом.
Черешня, слива, тут пахучий,²
айва, гранат (*кровавый* сорт),
аллея с разным виноградом
и прочие дары, а также
люцерна, баклажан, томат...
Адам тут знает каждый ряд,
куст, древо и травинку даже.
И к ним привязан он на диво,
как леди – к подданным (Годива).³

² *тут* – тутовое дерево, тутовник, шелковица.

³ *Годива* – жена графа Леофрика, ради снижения им налогов с подданных проехала в седле по улицам города Ковентри обнаженной (XI век).

11

Черныш однажды потерялся
(один из милых двух козлят), –
и было необъятным горе.

Пропавший вскоре отыскался –
усердьем бойких пастушат, –
не то б Адам наплакал море...

Соседи, сверстники, прислуга,
бабуля, мамин брат родной, –
всех держит в сердце наш герой,
и в каждом видит только друга.

Привязчивость – талант особый...
Уж лучше б не было его бы...

12

Всё относительно, условно
в прекраснейшем из всех миров:
ум, честь, достоинство, отвага,
безвестность, слава, криво, ровно,
Уильям щедрый, скряга Пров,
убыток, прибыль, вред и благо...
Я выше обронил: *трусливый*...
И вправду, он боится мать...
Ведь *дважды два* в руках держать
бычка, что добрый, не брыкливый...
Отец! Впервые! «Эй!» – Рванулся!
В защиту! Мамы! Увернулся...

13

В дошкольном детском учрежденье
Адама девочка одна
среди прочих явно выделяла,
а он – к другой имел влечение.
Вопят склеротик и ханжа:
«Враньё!» – до них мне дела мало.
От Сатаны или от Бога
(иль в этом деле паритет?),
Адам менял любви предмет
с нуля до класса выпускного:
по году лишь – ох, зла судьбина! –
учился с избранной дивчиной...

Он размышлял о смысле жизни...

Представьте, мальчик в десять лет...

И наводили ужас мысли:

«Ужель конец один – лишь тризны?!

Меня – как не было?! И – нет?!

Жить – чтоб могильны черви сгрызли?!»...

Подал однажды папа гостю

с подобострастием пальто,

и сын отца презрел за то, –

малец уж метил в *аристосы*.

Средь сверстников – не диво, право! –

Адам себе не видел равных...

Поток неумолимой силы
(все знают данный ей ярлык)
Адама захватил в тринадцать.
Пришла. Увидела. Пленила.
А в новом сентябре... – хоть в крик!
Ни вздохом не успел признаться...
Вершина восхождений школьных –
святая, чистая любовь!
Плету венки ей вновь и вновь
стихов рифмованных и вольных!
Век новый – старое унынье:
никто уж так не любит ныне...

16

Любили. Любят. После – тоже
любовь свои найдет сердца
и вскормит своего поэта.

Идет за веком век – и всё же
души движеньям нет конца:
Шекспир, Ромео и Джульетта,
Печорин, Чацкий и Онегин,
эпоха, личность и толпа,
народ, служенье и тропа,
бездарность, суета и гений, –
всерьез Адама волновали
(иных же – трогают едва ли).

Адам был школьником отличным.
Валил задачи в полруки.
В путях познания личной кармы,
имея ум *математичный*
(небес загадочны круги),
он грезил о фанфарах славы
в естественнонаучной сфере. –
При том, что сердце и душа,
порывы бурные верша,
в броне свои держали двери:
просторы внутреннего моря –
стихия моего героя.

Часть 2

1

Как символично совпадение:
семнадцать строф – и детство прочь! –
Семнадцать вёсен за плечами!
Единой цели в подчиненье
Адам корпел и день, и ночь, –
шел за экзаменом экзамен.
Жива была страна-мечтатель,
держава сложного пути...
Сей Уникальный Дом и вы,
возможно, помните, читатель:
был гражданин в его просторах
своим, – везде, всегда, без споров...

2

Тот, кто читает между строчек,
в последних может двух стихах
узреть неоднозначность смысла... —

Заноза-слово, коль захочет,
и на бревно нагонит страх,
и душу сделает бескрылой.

А потому, на всякий случай,
себе позволю уточнить:

здесь будем речи мы водить
о *солнце* Дома, не о *тучах*...

Так или иначе, но знамо:
открыты все пути Адаму.

3

Своим тщеславием гонимый,
он Первый Вуз себе сулил,
не признавая "пиков" ниже:
дух захолустный мест родимых
давно противен и постыл, –
во тьме, маня, свет дальний брызжет...
Пробился! Кто-то сомневался,
что одолел Адам умом, –
таким уж был он, Общий Дом:
«Отцов кошель, знать, постарался!»
Нет пятен, верьте, на Адаме –
своими взял он "пик" трудами.

4

Прощай, родное Захолустье!
И детство странное, прощай!
До встречи мать, отец, сестрицы!
Прощайте школа, речки русло!
И ты, Удельный Местный Край!
Да здравствуй, Главная Столица!
Но вверх Адама душу в кризис
глубокий жизни новой старт –
и лекций тусклым был парад,
и сам – подавленным нарциссом:
среди яркого студентов рода
он бледной мнил себя породой...

5

Педант Максимиан Потапов –
надежен, скромн, дзюдоист;
объект смешков Владлен Петруска –
прижимистый, спит с легким храпом;
Хасан Дурманов – оптимист,
хоть не силен особо в русском;
Каштарин – персонаж мой главный, –
вот комнаты одной семья:
стол, стулья, койки, два шкафа
да тумбы, – список инвентарный.
Доброродству здесь жизнь подобна,
к такому юность лишь способна.

6

Слегка назад вернуться надо...
Каштарин шел ведь на физфак...
А в конкурентах чья-то дочка...
В Уделе резали нещадно
оценочки... И биофак
предложен был – и делу точка...
Как хорошо иметь, взлетая,
толчок мохнатою рукой!
Иль за широкой быть спиной!..
Скажу, вперед чуть забегаю:
дочь в вузе не снесла нагрузок –
спина спиной, а лоб, знать, узок...

7

В познание жизни механизмов
Адам в начале лишь пути.
Но, как богатая натура,
он переполнен альтруизмом:
до цели, мол, смогу дойти
хоть свет иль мгла, хоть воз иль фура...
А мне (я как никак ведь старше)
жизнь представляется игрой
и бухгалтерией двойной:
чем злей нутро – тем шёрстка краше...
Кто постановщик опереток?
Движитель кто марионеток?

8

Адам – не странно ль?! – в классах старших
живой материи предмет
не жаловал своей любовью.

И потому студент Каштарин
и зоология – дуэт
несовместимых видов крови...

Зоолог-лектор – академик,
ученый, автор мировой,
что для Адама звук пустой. –
Вот недотёпа! Как он смеет!..
Да и звезде беспозвоночной
плевать со дна морского сочно...

9

Плевать? На лектора? Адама?
Опять двусмысленность... Беда!
Но то – лишь для непосвященных:
и звёзды не были б звездами,
коль не явили б их со дна
рукой (мохнатой?) в мир ученый...
И тут... – значенье между строчек!
Ну, сколько можно! Перестань
взирать с двусмысленностей дань!
А впрочем... – выжимай и с точек!..
Адам включился в *ситуэйшен*
и не ходил на *зоолекшн*...

10

А вот ботаник – не профессор,
не академик, лишь доцент, –
сумел увлечь Адама даже.

Как много в деле и процессе
решает личность, не патент!

Магнит – всегда магнит... Хоть в саже!

Артемий Николаич – в радость!..

Адам открыл, что факультет
имел особых групп квартет:
похлопотал, не много, малость, –
и вот он в сотне, да в которой
есть шанс сработать пропуск вскоре...

11

Средь общей массы первокурсной
(числом без малого пятьсот)
та сотня, повторяюсь, особа:
мехматовским почти что руслом
да в матанализе идет,
а курс читает... У! – Шандоба!
Стремительна! Крикливый голос!
(Пред ней трепещет всяк студент!)
Но знает и вершит предмет,
как деньги – *мультипрофи* Сорос!
У вас, о грозная Шандоба,
Адам душой воспрянул снова!..

12

По стройным ритмам теоремы,
и в то же время резко, вскачь,
нестись за мыслью Шандобы,
к седлу пристегивая леммы, –
не подступись, гусар-усач! –
вот где блаженство высшей пробы!
Доцент Шандоба – клапан истый:
у ней *пятерку* заслужить –
тот самый *пропуск* получить, –
критерий – знанья, строго, чисто.
Так биофизика собирала
своих *матросов* у причала...

13

Труды тотального режима
уже дают свой результат.
Все видят – Коля, Ян, Арсений,
Вахтанг, Борис, Давид и Дима:
из отстающих в авангард
Адама мчат его *олени*.
Котлеты, кофе, масло, сдоба,
тревоги сессии впервой:
Адам в *пятерке* запускной, –
таких берет к себе Шандоба...
И первым вырвался Каштарин:
«Пять баллов!» Что ж, он нынче – барин!..

Второй экзамен – вновь *пятерка*"
(ботаника, А.Н. Сладков),
и третий (химия) – *пять баллов*.
«Ну, поразительно – и только!» –
качнула Лия головой
и в *точку* радости попала.
Адам неделю с ней учился
в той группе, первой, *рядовой*,
где он пока был сам не свой...
Вот доказал! Так отличился!
Адам ей мило улыбнулся,
кивнул едва и... отвернулся.

15

На кафедре Адам зачислен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.